

0971

№ 6

СѢВЕРНЫЙ

1914 г.

УСЛАЯРЪ.

Еженедѣльный журналъ
учащейся молодежи
въ пользу семей
павшихъ въ бою
воиновъ.

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр.
Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Кон-
тора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч.
веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч.
Тел. 530-66.

Цѣна 10 коп.

САПОГИ
РЕЙТУЗЫ

**ВСЕ
ДЛЯ ПОХОДА**

ШАРФЫ
НАУШНИКИ

КАВКАЗСКІЯ БУРКИ.

Кож. пиджаки на мѣху и на ватѣ. Шер. пиджаки на мѣху и на ватѣ.
Кож. шлемы на мѣху и шерстян. Кож. перчатки на мѣху и шерстян.

МѢХОВЫЕ ПЛЕДЫ.

ПАПАХИ.

Бельгійско - Голландскій Магазинъ

Героховая, 15. Петроградъ.

ЭСДЕРСЪ И СХЕФАЛЬСЪ

Открыть отъ 8½ до 7½ час.

А. ГАНГЕЛИНА

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНИЯ ЧАЙКОВСКАГО

(въ стихахъ). 90 книгъ пожертвованны въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ, продаются въ конторѣ журнала „Сѣверный Гусларь“ Цѣна 50 коп.

Н. В. СЕВАСТЬЯНОВА.

PRIMA CARMINA

(тридцать пять стихотвореній).

100 книгъ пожертвованны съ той-же цѣлью, продаются тамъ-же.

Цѣна 30 коп.

Сѣверный Гусляръ

№ 6

0971

14 Декабря 1914 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Отвѣтъ, Нелли.—Снѣжинки (стих.), Шабловская-Кудрицкая.— Три идеи въ русской философіи, проф. А. Жакова.—Когда было лѣто, А. Гагарина.—Тоска (стих.), А. Кудрявцева.—Нервы, Цифра.—Стих., А. Левина.—Трезвая басня, А. Стрѣшнева.—Слушай Израиль, И. Рембаха.—Финаль комической оперы, которая называется „Жизнью“, В. Яшина.—Письмо въ Юрьевъ, (стих.), А. Толмачева.—Розы поэта (поэма), Татіаны Б.—Жизнь высшей школы.—Отчетъ редакціи.—Объявленія.

Слѣдующій 7-й, Рождественскій, номеръ выйдетъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

ОТВѢТЪ.

(Къ статьямъ объ экономическихъ организаціяхъ).

Въ статьяхъ послѣднихъ номеровъ „Сѣвернаго Гусляра“ затронутъ важный для всего студенчества вопросъ объ экономическихъ организаціяхъ. Мнѣ хотѣлось отвѣтить на замѣтки г. К. Логинова и пусть читатель проститъ, если отвѣтъ мой принялъ нѣсколько большіе размѣры.

„Мертвыя души“, упоминаемая Логиновымъ, къ сожалѣнію, явленіе слишкомъ обыденное въ жизни не только однихъ землячествъ. Сюда нужно отнести и кассы взаимопомощи и наши „бюро труда“.

Вездѣ или полный застой или прозябаніе.

Созываемыя Правленіемъ два раза въ годъ Общія Собранія организацій или не могутъ состояться долгое время за отсутствіемъ кворума (а это уже значительное зло для работы Правленія, т. к. послѣднему трудно отдаваться организаціи, имѣя позади инертную массу), или, если и состоялись, то проходятъ почти исключительно въ выборахъ новаго Правленія, въ заслушаніи

отчетовъ, большею частью шаблонныхъ, читаемыхъ для очистки совѣсти. Правда, иногда возникаютъ горячія пренія, но если вдуматься въ ихъ содержаніе—многого не увидишь. Расплывчатость, общія указанія, пожеланія самаго широкаго масштаба—вотъ единственныя цѣнности, создаваемыя Общимъ Собраніемъ.

Понятно, такія „цѣнности“ въ избыткѣ можетъ дать Правленіе. И Общее Собраніе это отлично знаетъ. Выбрать Правленіе! основная мысль участниковъ. А разъ оно выбрано—больше нечего дѣлать. Пусть себѣ работаетъ!

Теперь—выборы Правленія.—Выбрать Правленіе, это значитъ исписать всю доску фамиліями кандидатовъ, фамиліями почти всѣхъ присутствующихъ. А дальше, или поголовный отказъ изъ опрашиваемыхъ предсѣдателемъ, или (въ лучшемъ случаѣ) баллатировка тѣхъ, кого никто не знаетъ. Это—не утрировка. Нужно сознаться, что въ Правленіяхъ люди не знаютъ другъ друга и два—три мѣсяца знакомятся

между собою. Здѣсь уже не „квартетъ“, и не „неумѣнія“ играть, а простая невозможность спѣться плохо подобранными голосами.

Работа въ Правленіи! Работа, какъ я сказала, начинается съ знакомства между собою. Ну а послѣ надо ознакомиться съ дѣлами. Снова затычка; одно кажется плохимъ, другое не проходитъ большинствомъ голосовъ. И если даже требуется коренная перестройка зданія—то кто на это пойдетъ?

Проекты, комиссіи, заслушиваніе Правленіемъ in concreto. Нѣкоторая боязнь. Старое, знаете, все же лучше. И какъ наше пойдетъ? Тутъ уже жили, а наше—однѣ Богъ знаетъ. Еще завопять всѣ.

Дѣятельное или погибаетъ послѣ цѣлаго ряда комиссій, или слишкомъ сильно урѣзывается на засѣданіяхъ Правленія.

Только, дѣйствительно, геніальность президіума можетъ поставить работу на лучшей путь, измѣняя все скверное.

Это уже называется ломкой.

Такой президіумъ, слишкомъ рѣзко ломающій старые устои, навѣрное вызоветъ бурю негодованія, не только „мертвыхъ душъ“. Сразу же послышатся слова вообще всѣхъ „о заправилахъ, о диктаторствѣ“.

Все такое общее, въ сущности ничего не говорящее, но красивое безусловно. И вотъ гдѣ начинается изобрѣтательность мертвецовъ по душѣ. Какія ухищренія, подходъ—чтобы сломить новую народившуюся силу. Припомнятъ „формализмъ, излишнюю дисциплину, неидейность“ и т. д. Соберутъ Общее Собраніе, назначатъ „ревизоровъ“.

Итакъ: инертность—зло. Правленій! Поразительная инертность. Полное неумѣніе или нежеланіе представить ра-

боту въ организаціи—своей работой, частью своей работы.

Я слышала, да и сама знала только нѣкоторыхъ лицъ, которыя, идя на засѣданіе или просто на дежурство, чувствовали не только долгъ передъ товарищами, а и внутреннее обязательство передъ собою. Ну я не умѣю это сказать яснѣе! Какъ полученіе зачетовъ—наше дѣло, какъ наше дѣло заботиться о себѣ, такъ слѣдовало бы и организаціи наши каждому изъ насъ считать частью себя.

Почему землячества и экономическія организаціи почти умираютъ? Да изъза нашего же эгоизма, поразительнаго эгоизма.

Мы приходимъ на курсы, въ университетъ, въ институтъ—и намъ нѣтъ дѣла до тысячъ такихъ же, какъ мы. Мы спѣшимъ себѣ вездѣ записать, себѣ все получить. А итти на Общее Собраніе, когда предстоитъ побыть въ театрѣ, или прочесть лишнюю книгу—не хочется.

Чувства и мысль наши всецѣло для насъ и въ насъ. Дальше этого не идемъ.

Не знаю я, почему такое невѣріе, такое безразличное отношеніе къ другимъ? Чѣмъ оно навѣяно? Постарѣли-ли мы за эти годы; быть можетъ злоба партій, борьба, узкая партійная борьба заставила насъ вездѣ видѣть враговъ? сдвинула нашу психику? Не знаю.

Только итти такъ дальше безусловно нельзя. Нельзя намъ, молодежи, безразлично смотрѣть на работу другихъ, работу правленій, забывая о цѣляхъ, выискивая лишь выгоду. Традиціонная запись, взносы—слишкомъ малый даже „долгъ“. И долгъ ли?

Землячества! Казалось бы сюда должны итти „новички“, молодые товарищи, очутившіеся вдругъ въ чужомъ

городъ, среди чужихъ. Здѣсь, въ землячествѣ, слѣдовало бы ихъ ознакомить со всѣмъ, дать имъ справки, духовную пищу, по крайней мѣрѣ, на первое время. А что мы дѣлаемъ?

Молодые товарищи не ранѣе октября имѣютъ возможность побыть на Общемъ Собраніи, заслушать какой-то отчетъ, кого-то выбрать. Здѣсь они навѣрное хорошо разглядятъ лицо казначея, любезно предлагающаго скорѣе записаться и внести полтинникъ.

А затѣмъ иди и дѣлай, что хочешь.

Мнѣ скажутъ: помилуйте, землячества даютъ временныя ссуды, имѣютъ библіотеки, устраиваютъ вечера. Вѣрно! Пяти, десяти-рублевую ссуду можно получить; ну а библіотека—или слишкомъ большая роскошь въ землячествѣ—или такая ужъ несчастная, что лучше записаться въ настоящую. Да и смѣшно сравнивать солидныя библіотеки, съ тысячами и десятками тысячъ томовъ, съ нашими земляческими, даже богатыхъ землячествъ. Единственное, что остается дѣломъ землячества—вечеръ. Но т. Логиновъ приводитъ подавляющія цифры. И здѣсь объединеніе слишкомъ слабо.

Итакъ: Землячество даетъ вамъ небольшую ссуду и одинъ вечеръ, причемъ ссуду, конечно, логичнѣе взять въ кассѣ взаимопомощи. Ясно, что такое направленіе дѣятельности сулитъ лишь гибель землячеству.

Нужно отказаться отъ подобнаго рода организаціи. Да! Нечего вздыхать и упиваться названіемъ родного города. Если цѣль не достигнута, если землячество ничего не даетъ, имѣйте мужество отказаться отъ землячества. Рѣшительно нельзя поддерживать традиціи, когда отъ нихъ остался исковерканный обломокъ. Отбросьте его скорѣе,

чтобы не смущать другихъ и не портить себѣ настроенія.

Я чувствую: многіе увидятъ въ моихъ словахъ гиперболизмъ. Старая привычка говорить противъ такой ломки. А въ сущности и нельзя воскресить землячества XIX вѣка, т. к. тѣ дѣржались лишь политикой, общественными вопросами. Если согласиться съ тѣмъ, что политика ушла въ особыя организаціи, а общественные вопросы лежатъ почти исключительно въ плоскости политики, станетъ совершенно яснымъ фактъ—безцѣльности землячества.

Исканія въ области науки замѣняютъ кружки, научные кружки; матеріальные запросы разрѣшаетъ касса взаимопомощи, бюро труда.

Вѣроятно авторъ статьи „Объ экономическихъ организаціяхъ.“ увидитъ здѣсь расхожденіе съ его взглядами, съ его идеей общеобъединяющей организаціи.

На самомъ дѣлѣ не такъ.

Правда, деталей организаціи авторъ не даетъ, но идея его должна быть понятой всѣми. Идея выполнима при соответственномъ отношеніи; какъ я раньше сказала: если отбросить нашъ чудовищный эгоизмъ.

И вотъ потому-то, что перестраиваніе жизни будетъ итти медленно, я предлагаю сначала научные кружки кассы взаимопомощи и бюро труда.

Позднѣе всѣ три сольются въ одно и дадутъ нѣчто общее. А пока ломку можно сдѣлать, упразднивъ землячества и введя болѣе крѣпкую связь между товарищами, духовную связь.

Объединеніе прежнихъ кассъ взаимопомощи, кружокъ и бюро труда даетъ нѣчто цѣльное; здѣсь возможны и лекціи, и экскурсіи, и пріисканіе работъ, и ссуды. Не забудемъ, конечно, что та-

кая организація — обще земляческая
обще студенческая. Я напередъ раз-
биваю возраженія: „уничтожая земля-
чества вы вводите землячество, прежнее
землячество; дифференціацію прежняго
землячества вы отбросили, идя, слѣдо-
вательно, обратно, интеграціей отдѣль-
ныхъ частей“

Общеземляческая организація имѣетъ
массу выгодъ. Кромѣ общей шлифовки
она дастъ намъ жизнь, выведетъ изъ
тушика, въ который зашло студенчество.

Экскурсіи—если нѣтъ денегъ; день-
ги—если нѣтъ духовной пищи. Вотъ
что наблюдаемъ сейчасъ. Тогда этого
не будетъ. Соединеніе всѣхъ въ одно
всегда приносило одну пользу. Прине-
сетъ и теперь.

Мнѣ кажется, что я достаточно долго
остановилась на землячествахъ. Пере-
хожу къ временымъ, по необходимости
пока существующимъ*) кассѣ взаимо-
помощи и бюро труда. Скажу нѣсколь-
ко словъ. Если землячества не могли
ничего сдѣлать по своей внутренней
сущности, или при инертности членовъ,
то бюро труда и кассы взаимопомощи
кромѣ инертности имѣютъ въ себѣ не-
достаточность инициативы. Инициатива
необходима для успѣшнаго веденія
дѣлъ. Понятно это ужъ принадлежитъ
Правленію и только ему.

Замѣчается же обратное: органи-
заціонная узость, партійность.

Правленіе дѣлится на партіи. Одна
защищаетъ реализмъ, другая настроена
болѣе идеалистически. И понятно.
Нельзя студенческія организаціи дѣ-
лить на только коммерческія лавочки
и на только кружки для умственной
работы. Необходимо сочетаніе.

*) Съ точки зрѣнія поклонницы общеобъеди-
няющей организаціи по идеѣ автора „Объ эконо-
мическихъ организ.“ См. Свѣт. Гусларь № 4.

Если землячество должно отказаться
отъ такого сочетанія, не имѣя доста-
точныхъ средствъ и людей (для лекцій
нужны люди, а для экскурсій—деньги),
то вносить отрывки землячества въ
кассу, въ бюро труда—странно. Тогда
борьба неминуема, борьба довольно
сильная, тормозящая всякія нововведе-
нія. Всѣ засѣданія Правленій будутъ
въ спорахъ—на какой платформѣ быть?

Если прибавить сюда политику, (а
вѣдь она присуща органически моло-
дежи), то вы представите себѣ хаосъ
въ студенческихъ организаціяхъ.

Запросы, принципы „демократичности“
и т. д. тоже появились въ свое время
даже въ кассахъ взаимопомощи.

Только сліяніе трехъ организацій
дастъ одну платформу—объединеннаго
студенчества; болѣе широкой потокъ
силъ, а значитъ и инициативу, работо-
способность, единеніе Правленія со
всѣми товарищами. Выборы въ такое
Правленіе будутъ болѣе осторожными;
туда войдутъ дѣйствительно силы
студенчества.

Резюмирую все сказанное. Преждѣ
всего изложеніе мое—схематическое,
навѣяно статьей „Объ экономическихъ
организаціяхъ“. Я вношу только нѣ-
сколько деталей, сопоставляя съ
вышеуказанной статьей запросы г. Ло-
гинова. Поэтому чувствую нѣкоторую
неясность и неполноту. Но основная
мысль такова: Студенческія орга-
низациі находятся въ упадкѣ.
Одни изъ ихъ по своей сущ-
ности, по своему строенію от-
жили свой вѣкъ и дать ничего
не могутъ при незначи-
тельныхъ средствахъ и неболь-
шомъ сравнительно числѣ чле-
новъ; это—землячества. Дру-
гія—заняты партійной борь-

бой при рутинѣ взглядовъ, при отсутствіи широкой инициативы, недостаткѣ нѣкоторыхъ сторонъ. Но какъ въ однихъ, такъ и другихъ инертность и эгоизмъ имѣютъ доминирующее значеніе.

Единственный выходъ изъ создавшагося положенія — наилучшія сочетанія имѣющихся средствъ, т. е. упраздненіе землечествъ и созданіе

общеземляческой организаціи, общеобъединяющей. Тогда только тогда, послѣдуетъ соединеніе матеріальнаго съ нематеріальнымъ; тогда будутъ удовлетворены и запросы нашего духа и матеріальная сторона нашей жизни. Конечно, все это возможно при отсутствіи эгоизма.

Нелли.

Снѣжинки.

У Царя мороза много внучекъ нѣжныхъ,

Звѣздочекъ—снѣжинокъ въ царствѣ ледяномъ.

Всѣ онѣ кружатся въ розахъ бѣлоснѣжныхъ,

И сверкая рѣютъ въ воздухѣ ночномъ.

Прилетятъ къ окошку, тихо постучатся:

„Здравствуй!“ молвятъ пѣри неземныхъ высотъ.

Подойдешь—исчезнутъ. И опять кружатся,

И сплетаютъ въ небѣ снѣжный хороводъ.

Родились снѣжинки въ ледяныхъ свѣтлицахъ,

Въ бѣломъ королевствѣ, гдѣ царитъ морозъ,

Чуждыя страданьямъ, чуждыя темницамъ,

Чуждыя заботамъ и потокамъ слезъ!

Я скажу снѣжинкамъ: „Стойте, обождите!

Истомилось сердце горестью людской!

Размечите думы, вихремъ закружите,

Зачаруйте сердце лаской снѣговой!“

А онѣ на это весело смѣются.

„Сердце что такое?“ Слышится въ отвѣтъ.

За окномъ кружатся, надъ окошкомъ вьются

По землѣ летаютъ, замечая слѣды!

Шабловская-Кудрицкая.

Три идеи въ русской философіи.

Въ Россіи въ настоящее время идетъ борьба двухъ стихій: религіозное и нравственное крестьянство и — жажда интеллигенціи создать міропониманіе на основаніи индуктивныхъ наукъ. То же самое было и въ прошломъ: съ одной стороны, сектантство съ другой — позитивизмъ интеллигенціи въ городахъ. Русская философія, какъ бы колебалась, между народнымъ духомъ и научными теоріями. Системы, приближившіяся къ народному духу, окрещены были общимъ именемъ славянофильства; міропониманіе, ближе стоящее къ положительной наукѣ, стало называться западничествомъ. Начиная съ 70-хъ годовъ славянофильство образовало видъ народничества, принявъ въ себя нѣкоторыя соціологическія идеи запада, а западничество выразилось въ крайнихъ формахъ въ видѣ марксизма. Но все еще объединенія не существуетъ между „душой живою“ народа и между научными теоріями; пустое пространство между ними ничѣмъ не заполнено. Только лимитивная соціологія, развиваясь, захватитъ оба теченія въ Россіи, ибо лимитизмъ признаетъ всѣ факторы исторіи: пространство (территорія), время (какъ коэффициентъ развитія), матерію (какъ экономическій факторъ), психическое (какъ дѣйствіе великихъ личностей и воли общественной), логическое (какъ наука), эстетическое (геніальныхъ художниковъ, которыхъ творенія суть вѣщны народна), моральное (какъ религіозно-нравственные идеалы).

Общественно-дѣйствіе, развивающееся на основаніи лимитизма, объединитъ исканія народа и науки, еще потому, что лимитизмъ, кромѣ реальнаго міра, признаетъ потенциальное состояніе міра (для народа — божественное, творческое начало). Это общественно-дѣйствіе будетъ разсматривать жизнь народа, какъ раскрытіе потенциальныхъ силъ народнаго духа и народнаго мощи.

Можетъ быть было бы уместно назвать это новое лимитивное міропониманіе, какъ новое народничество, которое является синтезомъ славянофильства и западничества.

Вслѣдствіе такой постановки проблемы самосознанія русскаго народа, исторія русской философіи приобретаетъ особый интересъ, не только какъ необходимая для преподаванія дисциплина, но и какъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго творчества общественнаго міропониманія. Исторія русской философіи заключаетъ три заветныхъ идеи. Первая идея — убѣжденіе, что реальный міръ познаваемъ, вторая идея — идея соборности, идея всѣбратства всѣхъ народовъ (она была высказана славянофилами), третья идея — о трехъ путяхъ истиннаго познанія дѣйствительности (она была выражена Соловьевымъ).

Имѣя въ виду полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго (1806—1856), сочиненія А. С. Хомякова (1804—1860), его письма къ Ю. Самарину, а также его статьи въ Русской Бесѣдѣ (1856—

1860), сочиненія К. Аксакова, а также статьи Н. П. Гилярова (1824—1887) въ Русской Бесѣдѣ, мы можемъ составить понятіе о первоначальныхъ идеяхъ славянофильства.

Исходя изъ философіи Шеллинга и Гегеля, славянофилы не согласились, однако, съ мнѣніемъ Гегеля, что только Германцы сосудъ мірового духа, а стали искать жизненныхъ принциповъ въ культурѣ славянства.

Чему же они учили?

Они нашли своеобразныя стихіи въ русской культурѣ—общину, православіе, отличающееся болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудочностью по сравненію съ католичествомъ и съ протестантизмомъ, и инныя отношенія между правительствомъ и народомъ, чѣмъ на западѣ, а также—своеобразіе въ развитіи русской государственности, которая ширилась по преимуществу—при помощи колонизаціи—„Германской философіи“,—была доступна только истина возможная, а не дѣйствительная,—законъ! а не міръ, въ которомъ законъ проявляется. Познаніе разсудочное не обнимаетъ дѣйствительности, нужно знаніе синтетическое, разумѣющее связь являемой дѣйствительности съ непроявляемымъ первоначаломъ. Высшая ступень такого знанія—вѣра. Разумъ живъ воспріятіемъ явленія въ вѣрѣ.

Вѣра—непосредственное, живое и безусловное знаніе. Она—зрячесть разума. Только такому разуму доступны глубочайшія истины мысли, вся высшая правда вольнаго стремленія, ему одному только открыты невидимыя тайны вещей божескихъ и человѣческихъ. Однако ни разумъ, ни разсудокъ не терпятъ никакого насилія отъ вѣры, а напротивъ, одна вѣра даетъ имъ живой полетъ.

Только въ православіи всегда про-

водилась строгая граница между мышленіемъ и откровеніемъ: „Миръ является разуму, какъ вещество въ пространствѣ и какъ сила во времени. Какъ пространство, такъ и время—категоріи силы: время—сила въ ея развитіи, пространство въ ея сочетаніяхъ. Вещество—проявленіе, а никакъ не начало силы. Сила начало измѣняемости явленій, но въ основѣ всего лежитъ воля разума.

Разумъ точно также не можетъ сомнѣваться въ своей творческой дѣятельности—въ волѣ, какъ и въ своей отражательной воспримчивости—въ вѣрѣ, или окончательномъ сознаніи—разсудкѣ“ (Статья Колубовскаго. Философія у русскихъ). Многія положенія славянофиловъ подтверждены уже въ наукахъ. Напр., вещество, по мнѣнію неопозитивистовъ,—особое выраженіе міровой энергіи. Однѣ науки не объясняютъ всего хода мірозданія. Необходима философская гипотеза, которая нашей волей можетъ быть превращена въ вѣру. Также вѣрно и то, что міръ и жизнь должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія различныхъ категорій (пространства, времени, матеріи—энергіи, психики, логики, эстетики и морали). Основоположенія славянофиловъ приближаются къ началу лимитизма, какъ естественно научной теоріи познанія, на основаніи которой можетъ быть эволюціонная метафизика; выводятся всѣ категоріи изъ первопотенціала, изъ чего всѣ вещи возникаютъ, куда все снова обращается въ вѣчномъ циклѣ міротворчества. „Какъ на политической, такъ и на вѣроисповѣдной почвѣ исходной точкой славянофиловъ служитъ понятіе объ обликѣ. Это не какое-нибудь учрежденіе, а чисто нравственный союзъ между людьми. Въ общинѣ личность не теряется, но находитъ себя

въ высшемъ, видѣ. Каждый имѣетъ въ виду—благо всѣхъ. Выраженіемъ нравственной дѣятельности общинъ является совѣщаніе. Отсюда требованіе единогласія въ рѣшеніяхъ (пока всѣ „не сядутъ въ любовь“). Общинный бытъ основанъ не на отсутствіи личности, а на сознательномъ и свободномъ ея отреченіи отъ своего полновластія. Мало правды внѣшней (закона), нужна правда внутренняя. Внѣшняя правда—государству, внутренняя—землѣ; неограниченная власть царей, полная свобода жизни и духа—народу. Церковь есть великая община вѣрующихъ. Органъ ея—соборъ, выражающій идеи единства во множествѣ. Западъ измѣнилъ началу соборности, за что и понесъ кару въ отпаденіи протестанства. Народность цѣнится, какъ проявленіе личности въ чело-вѣчествѣ. Христіанскія начала далеко еще не осуществлены“. (Колубовскій).

Считая славянофильство очень важной стихіей русской культуры мы однако не хотѣли быть пристрастными, и идеи его выразили не своими словами. Все же видно отсюда, что ихъ принципъ соборности и любовь была началомъ ученія послѣдующихъ русскихъ мыслителей и писателей о всебратствѣ народовъ (вторая идея русской философіи).

Кромѣ того, мнѣ кажется, что русское славянофильство и западничество не такъ далеки другъ отъ друга, какъ нѣкоторые думаютъ.

Во всякомъ случаѣ уясненіе ихъ сходства для насъ несравненно поучительнѣе, чѣмъ противопоставленіе ихъ. Чтобы постичь основную стихію русскихъ мыслей, намъ важнѣе найти сходство въ различныхъ направленіяхъ, чѣмъ ихъ различіе.

Къ сожалѣнію, въ пылу партійной

борьбы эти два теченія не всегда понимали себя, и славянофильскія идеи часто смѣшивались съ тенденціями реакціи. Вотъ почему мы видимъ неудачу трудовъ и начинаній послѣдующихъ славянофиловъ (Даниловскаго, Н. Н. Страхова, Ап. Григорьева и др.). Только Достоевскому удалось произвести глубокое впечатлѣніе на общество, благодаря гениальной художественной интуиціи, ярко выразить вторую идею русской философіи, что основныя стремленія русской народности—дать міру всебратство.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ проторить собственную тропу, найти самого себя, нѣтъ ничего легче, какъ взять иностранные фоліанты по философіи, и быть истымъ кантіанцемъ, или неогегельянцемъ, или позитивистомъ по указаніямъ Огюста Конта.

Но сочетать лучшее достояніе запада—индуктивную науку, съ особенностями русской души, индивидуальной и спеціальной, и со всѣмъ идейнымъ ходомъ нашей исторіи—дѣло въ высшей степени трудное и требуетъ пріемственного творчества.

Поэтому, нечѣму намъ удивляться, что досель русская мысль была забита; скорѣе обратное должно поразить, что несмотря на безчисленныя затрудненія, все же она пробивала свое русло, и неукоснительно шла къ самоопредѣленію.

И Данилевскій, и Н. Н. Страховъ, и Ап. Григорьевъ болѣе были осмѣиваемы, чѣмъ понимаемы, идеи Данилевскаго считались реакціонными, Н. Н. Страховъ былъ мишенью для разныхъ авторовъ, считавшихъ себя „наравнѣ съ вѣкомъ“. Ап. Григорьевъ считался туманнымъ писателемъ, который будто бы никогда не понималъ самого себя.

проф. К. Жаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Когда было лѣто.

(Изъ воспоминаній).

Желтыя листья покрываютъ землю.

Неслышно, листь за листкомъ, падаютъ они съ вѣтокъ и ложатся пестрою пеленой на засохшую траву.

Тихіе, задумчивые осенніе вечера.

Я знаю, скоро все покроется блестящимъ снѣгомъ, задымится морозный воздухъ, и снова бодро задышетъ моя грудь, но мнѣ грустно и хочется вспоминать о чемъ то хорошемъ и миломъ, какъ будто нѣтъ ничего кромѣ оставшагося тамъ далеко позади.

Ея нѣтъ здѣсь со мною. Можетъ быть, я встрѣчу ее еще когда нибудь, но когда это будетъ—не знаю.

Я познакомился съ Ольгой въ срединѣ лѣта. Она пріѣхала погостить къ своей замужней сестрѣ, въ семьѣ которой я часто бывалъ. Я слышалъ объ Ольгѣ еще раньше, она недавно кончила гимназію и ея сестра съ восхищеніемъ говорила о ней.

И вотъ 17 іюля—я хорошо запомнилъ этотъ день—я встрѣтилъ ее.

Насъ представили и за обѣдомъ посадили напротивъ.

Я смогрѣлъ на Ольгу и мнѣ казалось, что я давно, давно знаю это матовое лицо, темные волосы и черную родинку на правой щекѣ. Чѣмъ то роднымъ и дорогимъ повѣяло на меня отъ ея манеры поднимать немного правую бровь при разговорѣ и отъ ея беззаботнаго, молодого смѣха.

Наши фразы были случайны, мы перекидывались простыми словами, но мнѣ было весело смотрѣть на Ольгу и хотѣлось улыбаться, когда улыбалась она.

Въ тотъ день мнѣ было какъ то особенно хорошо, я много говорилъ, рассказывалъ свои приключенія въ Петроградѣ.

— Что это съ вами,—спросила меня сестра Ольги,—вы эти дни были такимъ сумрачнымъ, а теперь вдругъ повеселѣли?

— Я влюбленъ, Катерина Николаевна, влюбленъ по уши!—смѣясь отвѣтилъ я.

— А интересно узнать—въ кого?—лукаво прищурившись спросила Ольга.

— Это великій секретъ,—заявилъ я,—никто, кромѣ меня, это не долженъ знать!

— Ну я всетаки узнаю!—возразила Ольга.

Почти цѣлый день просидѣлъ я тогда у знакомыхъ и только поздно вечеромъ распрощался съ ними.

Послѣ первой встрѣчи съ Ольгой мнѣ пришлось уѣхать къ себѣ въ имѣніе, верстахъ въ пятнадцать отъ того села, гдѣ жили мои знакомые.

Я не видался съ Ольгой дней пять.

На душѣ было легко—я зналъ, что скоро опять увижу ее, и Трепетало радостно сердце при мысли, что снова я буду говорить съ нею и смотрѣть на ея прекрасный чистый профиль.

Мнѣ пришлось уѣхать на день раньше. Общество затѣвало спектакль и пригласило меня участвовать.

Утромъ рано поѣхалъ я въ село. Ѣхать нужно было на лошадяхъ по мягкой проселочной дорогѣ.

По бокамъ стояли старья, старья березы, и, казалось, тянется эта аллея безконечно далеко.

Весело бѣжали лошади, весело улыбалось раннее солнце, и поспѣвающая рожь стряхивала съ себя послѣднія росинки. Черезъ полтора часа я былъ въ селѣ.

Часа въ три назначили считку.

Ольга участвовала въ спектаклѣ. Въ простой бѣленькой кофточкѣ, съ распущеной косой—она походила на дѣвочку. Такъ же задорно смотрѣли ея глаза, и въ уголкахъ рта играла улыбка.

Распредѣляли роли. Много говорили, шумѣли, немного повздорили. Послѣ репетиціи, возбужденные, стали расходиться по домамъ.

Я пошелъ съ Ольгой.

— Вотъ вы по сценѣ теперь моя сестра, любите своего брата, говорилъ я ей, не знаю какъ въ дѣйствительности будете относиться ко мнѣ?

— А вы какъ бы хотѣли? засмѣялась Ольга.

— Ну конечно, чтобы такъ же доврчиво и любяще, какъ на сценѣ, только не какъ къ брату.

— Не говорите глупостей!—съ напускной строгостью прервала меня Ольга,—а то не пойду съ вами.

Я ее успокоилъ, что больше не буду, и мы разговорились о Петроградѣ. Она спрашивала, какъ живется въ этомъ городѣ, интересно ли провожу время, гдѣ бываю—я отвѣчалъ, и видно было, что

она слушаетъ съ интересомъ. Поздно вечеромъ катались на лодкахъ.

Рѣчка была небольшая и вся заросла по берегамъ ольхами. Будто прихотливо извивающаяся аллея тянулась она. Было пріятно слышать въ замирающемъ воздухѣ всплески воды да взрывы молодого, веселаго смѣха.

Меня посадили въ весла.

— Давайте устроимъ гонки,—звонко крикнула съ другой лодки Ольга.

— Налегай на весла!—закричалъ рулевой.

Громче зажурчала вода подъ носомъ лодки; минуту ѣхали молча, не отставая другъ отъ друга.

— Нѣтъ! Больше не желаю, заявилъ я, бросая весла.

На лодкахъ поднялся смѣхъ.

— Что? не выдержали? А еще силачъ!

— Эхъ вы, горе-богатырь!—подсмѣивалась Ольга.

— Ладно, ладно,—отшучивался я,—сами бы погребли, такъ не смѣялись бы. Ѣдемте, господа, рядомъ, тихонько, смотрите, какъ хороша ночь!

— Всѣ присмирѣли, словно зачарованные еле слышными всплесками весель и пугливымъ отраженіемъ мѣсяца.

— „Наша жизнь коротка“,—затянулъ кто-то на лодкѣ.

— „Все уносить съ собой“,—подхватили голоса, и вольно, и плавно понеслись звуки по гладкой поверхности рѣчки.

Казалось, сама молодость пѣла гимнъ веселію, любви и свободѣ. Долго раздавались будящіе звуки, шевелились прибрежные камыши, а тамъ далеко на лугахъ мелодично переливались колокольчики пасущагося стада, да гдѣ-то кричалъ коростель.

— Однако домой пора, — сказалъ кто-то.

Повернули и быстро поплыли назадъ. Когда пріѣхали къ селу, шумно высадились изъ лодокъ и разбрелись группами.

— Можно мнѣ васъ проводить?—спросилъ я Ольгу.

— Пожалуйста, буду рада,—отвѣтила она.

Рука объ руку шли мы съ ней по темной улицѣ.

— Зачѣмъ вы на лодкѣ смѣялись надо мной? Должно быть вы злая?—улыбнулся я Ольгѣ.

— О, очень! Вы еще не знаете какая я!—вотъ подождите, увидите.

Настроение съ веселаго перешло на какую то грустную задумчивость.

Я говорилъ Ольгѣ.—Вотъ сейчасъ лѣто, мы веселимся, дурачимся, а пройдетъ оно, и снова наступитъ желтая осень, снова придется уѣхать въ большой сырой городъ, гдѣ нѣтъ раздольныхъ полей, гдѣ не синѣютъ лѣсистыя дали.

— Вамъ не грустно, Ольга Николаевна?

— Не надо объ этомъ, это еще впереди,—проговорила Ольга,—зачѣмъ задумываться надъ тѣмъ, что неприятно. Если вамъ сейчасъ хорошо—ну и говорите о счастья, о лѣтѣ, о молодости, но только не объ осени.

Скоро дошли до дому.

— Ну, досвиданія, спасибо, что проводили.

Я взялъ ея небольшую руку и прикоснулся губами къ холоднымъ пальцамъ.

Ольга ничего не сказала и, быстро повернувшись, скрылась за калиткой.

Мнѣ не хотѣлось спать и я пошелъ бродить по заснувшимъ улицамъ. Я все еще чувствовалъ прикосновение ея руки къ моимъ губамъ, и было въ этомъ что-то пріятное и волнующее.

— Какъ хорошо—думалось мнѣ,—что я встрѣтился съ Ольгой, и что еще много разъ увижу ее.

— Я увижу ее завтра же—стучало въ мозгъ—завтра!

И вдругъ стало такъ радостно, словно я открылъ что то драгоценное.

— Поскорѣ бы это завтра, — и я быстро пошелъ домой, какъ будто хотѣлъ ускорить наступление утра.

На другой день репетиція. Играется бодро. Въ перерывахъ пьемъ чай, смѣемся, кричимъ, поемъ.

Ольга свѣжая, только что выкупавшаяся, съ розовыми щеками, съ улыбкой смотреть на меня.

— Каково настроеніе? — спрашиваю у нея.

— Отличное, — говоритъ Ольга, — я сейчасъ чудесно выкупалась, чувствую себя бодрой, какъ никогда. Ну, а вы?

— Я видѣлъ васъ сегодня во снѣ,—говорю я вмѣсто отвѣта.

— А я васъ не видала, — смѣется Ольга.

— Рассказывайте сонъ, — сдвинувъ брови, приказываетъ.

— Мы ѣхали по рѣкѣ, и я долго, долго цѣловалъ ваши руки,—говорю ей.

— Глупости! — кричитъ Ольга, — это вы сами придумали; лучше идите на сцену—сейчасъ вашъ выходъ.

Мнѣ не пришлось проводить ее домой, она ушла раньше.

Не хотѣлось доигрывать, ждалъ страстно вечера, потому что вечеромъ условились компаніей идти въ поле.

Съ репетиціи шелъ съ одной знакомой гимназисткой, говорилъ ей какую то чепуху, а самъ думалъ, какъ бы поскорѣ избавиться отъ нея и остаться одному. Слава Богу, наконецъ то проводилъ!

Съ пыльной улицы потянуло къ зе-

лени сада; забрался подальше и бросился на траву.

Вѣтви березъ колыхались надо мной, а верхушки тонули въ синевѣ неба. Жара начинала спадать, вѣяло прохладой, въ травѣ копошились муравьи, и высоко рѣяли ласточки. Я думалъ, какъ хорошо, что я молодъ, что кругомъ ликуетъ жизнь и царитъ любовь. Я любилъ въ ту минуту и синеву неба, и жужжащую пчелу, и дѣловито снующаго муравья, и весь мѣръ. Я любилъ Ольгу.

Я не знаю, было ли это опьяненіе красотой, лѣтомъ, молодостью, или я дѣйствительно любилъ Ольгу, — я не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Мнѣ было безконечно пріятно лежать на травѣ и наслаждаться чѣмъ то огромнымъ и прекраснымъ, что происходило вокругъ меня.

Незамѣтно шло время.

— Смотрите, господа! Лежитъ и мечтаетъ о чемъ то неземномъ, — раздался голосъ изъ за кустовъ, и немного спустя на лужайку высыпала вся компанія. Оказывается всѣ уже собрались и зашли за мной, чтобы итти гулять.

— Ну, ну вставай! чего развалился, — кричалъ мнѣ одинъ товарищъ и схватилъ за руку.

Я быстро вскочилъ, и мы отправились смѣясь и перекидываясь шутками.

Сорвавъ нѣсколько гвоздикъ, я подошелъ къ Ольгѣ.

— Можно вамъ приколоть эти цвѣты?

— О, какъ вы внимательны, — улыбнулась она и, взявъ гвоздики изъ моихъ рукъ, вколола въ прическу.

Скоро мы догнали остальныхъ.

Гимназистка покраснѣла, когда увидела у Ольги цвѣты, и демонстративно отвернулась отъ меня.

— Горе мнѣ, — шепнулъ я Ольгѣ, — Ниночка возненавидѣла меня.

— Такъ и надо! — возразила она, — неужели вы хотите, чтобы всѣ васъ любили?

— Ну, конечно!

— Увы! это невозможно. А если даже и такъ, то вамъ, навѣрное, и любовь бы скоро надоѣла.

— Можетъ быть, вы правы, — пристально посмотрѣлъ я на Ольгу, — но только я навѣрное знаю, что любовь любимой не надоѣстъ.

Ольга ничего не сказала.

Мы вышли въ поле. Уже совсѣмъ вечерѣло. Даль была какихъ то особенно прозрачныхъ оттѣнковъ. За полемъ виднѣлся перелѣсокъ, а дорога, казалось, дымится золотистою пылью. Хотѣлось чего то поэтичнаго, красиваго, и на душѣ было свободно и немного грустно.

Долго мы гуляли. Постепенно потемнѣла полоса заката, и глазъ различалъ на небѣ то тутъ, то тамъ блестящія звѣздочки.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда пошли домой.

Всѣ раздѣлились и шли небольшими группами.

Я выбралъ минуту и подошелъ къ Ольгѣ.

— Пойдемте вдвоемъ, — сказалъ я ей, и взялъ ее подъ руку.

Мы шли тихо. Остальные были далеко впереди.

Стало прохладно. Ольга поежилась.

— Что, развѣ холодно? — спросилъ я.

— Нисколько!

Но я все таки не повѣрилъ ей, снялъ тужурку и накинулъ ей на плечи.

— Вы теперь настоящій студентъ — разсмѣялся я, — недостаетъ только фуражки. Ольга сняла съ меня фуражку и надѣла на себя.

— Ну теперь все въ порядкѣ,—сказала она,—только вотъ вамъ холодно.

Я возразилъ, что чувствую себя прекрасно.

— Смотрите: — вскричала Ольга,—я увидела молодой мѣсяць справа—значить къ счастью.

— Какъ же—обязательно! Такъ вотъ возьметъ, да съ неба и свалится.

— Это всегда такъ бываетъ,—задумчиво произнесла Ольга.

Мы подходили къ селу. Все кругомъ было спокойно.

Невдалекѣ темнымъ пятномъ поднимались сосны, а справа невѣдомо куда тянулось поле.

Пахло рожью и какими то цвѣтами. Неумолчно трещали кузнечики, да гдѣ то далеко стучалъ тарантасъ по дорогѣ. Я посмотрѣлъ на Ольгу. Ея широко раскрытые глаза смотрѣли вдаль, и лицо ея мнѣ показалось блѣднымъ.

— Вы вѣрите въ любовь?—тихо прошепталъ я.

Ольга остановилась, повернулась ко мнѣ и молча взглянула. Я наклонился. Близко, близко мелькнули передо мной огромные глаза, и я почувствовалъ горячее дыханіе на своихъ губахъ... Помнится, потомъ я цѣловалъ ея лицо, волосы, руки и смѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— Милый, милый,—повторяла Ольга, и я слышалъ, какъ близко отъ меня бьется ея сердце.

Я шепталъ Ольгѣ:—я полюбилъ тебя давно, давно. Я тебя видѣлъ въ тихой румяной зарѣ, я чувствовалъ дыханіе твое въ ласковомъ вѣтрѣ, ты мечта

моей юности. Ты... И снова я бралъ дорогія руки и прижималъ къ горячимъ щекамъ.

Совсѣмъ уже скрылся тонкій серпъ мѣсяца, когда мы разстались. Я быстро шелъ домой.

— Ольга,—думалъ я,—моя дорогая Ольга, неужели ты меня любишь?—и мнѣ хотѣлось, чтобъ весь міръ былъ такъ же радостенъ и счастливъ, какъ я...

Мнѣ пришлось провести съ ней еще нѣсколько незабвенныхъ вечеровъ. При свѣтѣ зарницъ, на мигъ озарявшихъ наши блѣдныя лица, сидѣли мы надъ спокойною рѣкой, или безъ конца ходили по лугамъ, по полю, рука объ руку, и говорили, какъ прекрасно устроена жизнь и какъ хороша молодость. Или молча любовались на очертанія далекаго лѣса, слушали трескотню кузнечиковъ и всѣ едва уловимые шорохи ночи.

Намъ не было скучно, мы не были другъ другу чужими. Надъ нами сіяло одно солнце жизни—любовь.

И часто, смотря въ лучистые глаза Ольги, я спрашивалъ, почему такъ мало любятъ люди, почему боятся этой мучительно-сладкой радости бытія...

Вотъ я и кончилъ. Я вспомнилъ все прекрасное и дорогое мнѣ, что тогда было. Мнѣ не хочется вспоминать о разставаніи, потому что и такъ на душѣ печально.

Желтыя листья все еще падаютъ на землю и, кажется, скоро совсѣмъ засыплютъ невозвратное милое мѣсто.

А. Гагаринъ.

Тоска.

Посвящается А. Э. Л-нь.

Ты скажи мнѣ, мой другъ, отчего по ночамъ,
Въ тихой комнатѣ съ свѣтлой лампадкой—
Слезы грусти, тоски, подступаютъ къ очамъ,
Сердце бьется неровно, украдкой.

И зачѣмъ-же тревога вдругъ душу мою
Обвѣваетъ, и мысли несутся
Въ хаотически-странномъ, шумливомъ рою
И къ чему-то далекому рвутся.

Ты скажи, милый другъ, отчего среди дня,
Когда солнце такъ ярко играетъ,
Отчего неизбежное горе меня
Тяжко давитъ, душа замираетъ.

Отчего на балу, среди веселыхъ гостей
Мнѣ становится жутко-тоскливо
И мнѣ чудится образъ въ цвѣтахъ, среди полей
И бѣжить мысль за нимъ торопливо.

Грезы юныя мчатся одна за другой,
Сердце трепетомъ дивнымъ томится
И мечты мнѣ рисуютъ, какъ счастье волной
Мнѣ навстрѣчу въ объятья стремится...

Но очнусь,—и мечты вереницей густой
Умираютъ въ тревожномъ сознаньи...
И охваченный весь безысходной тоской,
Я готовъ излить душу въ рыданьи...

И проходятъ мгновенья, какъ вѣчность длинны...
Счастья нѣтъ... Есть одни лишь сомнѣнья.
И мнѣ слышится часто, какъ шопотъ волны,
Похоронное грустное пѣнье.

А. Кудрявцевъ.

Н е р в ы.

Когда Зиночка проснулась, первое ощущение—было ощущение горечи во рту и какого-то холодка въ мозгу, какъ будто пробрался въ голову и монотонно, ровной струйкой дуетъ сквознякъ.

— Безобразіе — спать до двухъ часовъ—вслухъ подумала она, взглянувъ на висящіе надъ кроватью часы.

— Никто не разбудить—чортъ знаетъ что!—Никому нѣтъ дѣла.

И оттого, что часы показывали два, а не меньше и что никому до нея нѣтъ дѣла, Зиночкѣ захотѣлось раскричаться, затопать ногами, разбить эти противные часы.

И вдругъ почувствовала Зиночка, что она совсѣмъ одна, одна во всемъ мірѣ, что всѣ, всѣ чужіе и всѣмъ хочется обидѣть и разозлить ее.

Стало жаль себя. Слезы встали въ горлѣ, мѣшали дышать и такъ трудно было проглотить ихъ.

— Пропалъ день—съ раздраженіемъ подумала Зина.

— Теперь и вставать нечего. Все равно ничего не успѣешь сдѣлать. Знаютъ что у меня лекція и трудно разбудить меня.

— Зиночка! Вставайте!—позвали изъ другой комнаты.

— Чай простылъ. Ужъ два часа.

— Свинья. „Два часа, чай простылъ“—злобно передразнила она мысленно хозяйку.—Теперь ужъ сама проснулась, а она будить—свинья.

— Зиночка-а! Два часа! опять позвала хозяйка.

Зиночка сдержала порывъ злобы и холодно отвѣтила:

— Что же не разбудили раньше? У меня лекція съ трехъ. И такъ опоздаю. какой-же тутъ чай. Ладно ужъ, въ столовкѣ напьюсь. Что-то глухое и злобное копошилось гдѣ-то около сердца и рвалось наружу.

— Эксплуатація—чортъ знаетъ до чего доходить. Платишь 12 рублей за такую конуру и даже чай по утрамъ не пьешь. Возьму и вычту по 10 коп. за самоваръ: ей нѣтъ дѣла, когда я встану. Было условіе—два самовара въ день и подай два самовара! А то притащить чуть теменькій чайникъ и думаетъ, что такъ и надо. Улыбку изобразить во всю фізіономію, такъ что и придраться неловко. Сегодня-же заявлю ей, что не стану пить изъ чайника и уйду съ квартиры.

За стѣной возились хозяйскія ребятки. Зиночка очень любила ребятъ, постоянно зазывала ихъ къ себѣ и кормила сладостями.

Но теперь и они раздражали ее.

— Постоянно орутъ! Сдаете комнату, такъ должны же считаться съ жильцами. Вотъ встану и переѣду въ другую комнату.

И Зиночка съ наслажденіемъ представила себѣ непріятно изумленное лицо хозяйки, когда она узнаетъ, что Зиночка уѣзжаетъ. Она спроситъ ее, почему даже не предупредила о своемъ выѣздѣ. А Зиночка посмотритъ на нее,

сдѣлаеть тоже удивленное лицо и спросить непонимающимъ голосомъ:

— А развѣ было условіе предупредить васъ? Не нравится и ухожу; и больше ничего.

Зиночка даже пожала плечами подѣяломъ, какъ будто передъ ней была хозяйка и объясненіе шло въ дѣйствительности.

И представивъ себѣ всю непріятность, какую она доставитъ хозяйкѣ своимъ внезапнымъ уходомъ и возможность помучить человѣка—Зиночка почувствовала какое-то удовлетвореніе, стало легче. Она даже улыбнулась.

— Вотъ. Вотъ вамъ и чайникъ! А то деликатничаю: ничего, ничего—все равно и чайникъ, мнѣ безразлично...

— Уйду—вотъ и безразлично.

Въ дверь постучали и худенькая, сѣрая хозяйка внесла подносъ съ посудой.

— Я вамъ самоварчикъ скипятила, а вы все еще спите?! Ай-ай-ай—шутливо закачала головой хозяйка.

Она поставила подносъ на столъ и присѣла на край Зиначкиной кровати.

— Засоня, засоня — вставайте!—лас-

ково потрепала она Зиначку по голому плечу. И отъ этой маленькой ласки что-то теплое защекотало около сердца и раздраженіе растаяло, а это теплое поднималось выше и выше, сдавило горло и опять захотѣлось заплакать.

— Только не хватало, чтобы заревѣть бѣлугой—подумала Зина, стараясь изобразить на лицѣ что-то похожее на саркастическую улыбку. Но губы задрожали, сложились въ смѣшную и трогательную фигурку.

Зиночка отвернулась и заплакала.

— Зиначка! Что съ вами, голубчикъ? о чемъ вы?—растерялась хозяйка.

— Ничего... это такъ... нервы... лѣчиться нужно—всхлипывая, бормотала Зиначка, уткнувшись въ подушку и смачивая ее обильными, горячими слезами. Черезъ часъ Зиначка, съ красными, припухшими глазами, покрытыми слоемъ пудры, сидѣла за шумящимъ самоваромъ, спокойно и дѣловито просматривала газету, изрѣдка порывисто вздыхая.

Цифра

Слышу ангельскія трели,
Звѣздный высится альковъ,
Тихо плаваютъ качели
Легкокрылыхъ облаковъ.
Небо грезитъ тишиною,
Ночь манитъ въ небытіе
Подъ задумчивой луною
Такъ спокойно и легко.

Изъ незримыхъ колоколенъ
Зреть Божественный алтарь,
Вѣрой жаркой тайно боленъ
Замечтавшійся звонарь...
Слышу ангельскія трели,—
Хоръ заоблачный звучитъ,—
Дышитъ тишью звонъ свирѣли...
Тотъ, кто молится—молчитъ.

А. Левинъ.

Слушай Израиль!

1.

Заходило солнце. Блѣдно-розовыя облака барашками расползались по вечернему небу. Востокъ темнѣлъ. И далекій лѣсъ, подернутый первыми сумерками предзакатной мглы, синѣлъ неясно и тускло при блескѣ вечерней зари. Справа, на сѣверѣ, сверкала сталью полоса Вислы. Вечерній покой природы манилъ людей къ мирному отдыху. Даже не чувствовалось, что все это—на самомъ жестокомъ фронтѣ театра военныхъ дѣйствій; что все это—тамъ, гдѣ подъ ногами валяются неубранные трупы убитыхъ, гдѣ сапоги мягко хлюпаютъ въ лужахъ человѣческой крови, гдѣ царитъ Смерть. Короткіе, сухіе выстрѣлы обычной перестрѣлки нисколько не нарушали тихаго покоя осенняго вечера. Послѣ вчерашняго ожесточеннаго боя, когда слухъ совершенно заглушался непрерывнымъ гуломъ орудій, эти выстрѣлы казались игрушечными, сказочными. И не врывались диссонансомъ въ осеннюю тишину заката.

Давидъ Штейнеръ, рядовой, возвращался съ караула къ себѣ въ палатку, на отдыхъ. Онъ очень усталъ, простоявъ съ полудня на караулѣ. Хотѣлось спать. Въ ногахъ чувствовалась какая-то вялая, тупая слабость. Въ ушахъ сильно шумѣло. Свѣжій осенній воздухъ вечера отрезвилъ его спутанныя мысли, охладилъ его разгоряченный мозгъ. И онъ, чуть ли не въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ взяли его на войну, началъ думать. Вѣрнѣе вспоминать. Угасающій вечеръ, печальный, какъ траурный сонъ, пробудилъ въ немъ старыя, почти поза-

бытыя чувства—къ женѣ, дѣтямъ. Что съ ними теперь? Гдѣ они? И вспомнился самый мрачный въ ихъ сѣренькой жизни день—тотъ самый день, когда ему, Давиду, приказали немедленно явиться въ городъ, по случаю объявленной мобилизаціи. Вѣсть о войнѣ какъ то туго проникала въ его сознание. Съ дѣтства загнанный и забитый, живя подъ постоянными криками и приказаніями уѣздной полиціи, не смѣя никуда выѣхать за предѣлы надоѣвшаго ему мѣстечка, онъ привыкъ равнодушно принимать жизненные побои и, подобно всѣмъ бѣднымъ евреямъ Россіи, послушно подчиняться. Когда жена, Берта, въ моментъ разставанія съ мужемъ, жалобно заголосила, Давидъ не понялъ ее, и только бормоталъ по-еврейски: „Не плачь... не плачь“... Но Берта глубоко сознавала горе и плакала, какъ умѣла. Плакали и ихъ дѣти—Сонька, Давидъ, Касріэль... Они, правда, не знали, зачѣмъ это нужно плакать теперь, но тѣмъ не менѣе искреннія, дѣтскія слезы катились по ихъ грязнымъ щекамъ... Когда Давидъ, поцѣловавъ ихъ всѣхъ, уѣхалъ въ городъ, и потомъ, когда окончилась скучная исторія приготвленія въ походъ, онъ позабылъ о всемъ, что было раньше. Позабылъ о своей тѣсной, грязной квартиркѣ, на краю мѣстечка, съ полинявшей выѣской: „Портной Давидъ Штейнеръ“, позабылъ о бессонныхъ ночахъ, проведенныхъ за спѣшной работой, позабылъ о сѣрой, неприглядной жизни мѣстечка.

И теперь вспоминалась ему та далекая, далекая жизнь, отдаленная большими

и непонятными событиями отъ новой жизни. Вспоминалась какъ то своеобразно-просто подъ темнѣющимъ небомъ, на равнинѣ, усѣянной трупами... Въ небольшое окно пробиваются солнечные лучи. Берта что то двигаетъ въ печкѣ и ставитъ на столъ глиняную миску съ горячимъ, дымящимся супомъ. Дѣти уже сидятъ за столомъ съ большими ломтями хлѣба. Они давно уже просятъ ѣсть. А онъ, Давидъ, докуривъ папирску изъ махорки, и сложивъ только что начатую работу, тоже присаживается къ столу.

А еще вспоминалась зима. Прошлогодня. На дворѣ—морозъ. Давидъ перешиваетъ какое то старое пальто. Берта сидитъ на скамейкѣ и чиститъ картофель. Дѣти сидятъ на полу, рядышкомъ, подъ разорвавшимся одѣяломъ, сшитымъ изъ какихъ-то старыхъ обносковъ... Теплится чугунка. Тепло. За окномъ изрѣдка проскрипятъ по снѣгу шага, или полозья саней. Тишина. Только слышится лязгъ ножницъ и скрипъ очищаемаго картофеля. Тепло и уютно...

Давидъ зацѣпился носкомъ сапога за чей-то трупъ. Чуть не упалъ. Уже такъ стемнѣло, что трудно разобрать путь. И не видно, куда ступать. Подъ ногами то гулко отдавалась грубая, подмерзшая земля; то хлопало что-то съ легкимъ трескомъ тоненькаго льда—не то вода, не то кровь. А то вдругъ ноги мягко опускались на что-то сырое, рыхлое. Можетъ быть, на грязь, еще не успѣвшую подмерзнуть, или на куски растерзаннаго человѣческаго мяса. Впрочемъ, это все равно. Давидъ такъ привыкъ къ этому въ короткое послѣднее время, что уже мало обращалъ вниманія на человѣческія жертвы. Когда во вчерашнемъ бою онъ случайно упалъ

на горячій трупъ только что изувѣченнаго шрапнелью офицера, то никакого чувства не зародилось въ немъ отъ ощущенія теплой крови. Онъ поднялся и снова сталъ на свое мѣсто.

„Нужно спѣшить“, рѣшилъ онъ, вдругъ посмотрѣвъ на вечернія звѣзды. Луны не было. На западномъ краю небосклона ясно обозначилось зарево пожара. Должно быть, кто-то поджога деревню. Или русскіе, или нѣмцы. Было совсѣмъ темно. И отъ этого казалось, что все это поле, вся эта ночь полна какими-то призрачными существами, можетъ быть, душами убитыхъ...

Въ палаткѣ, кромѣ Давида, спали еще трое. Изъ нихъ двое было русскихъ. И всѣ знали другъ друга. Когда Давидъ вползъ въ палатку и неловкимъ движеніемъ зацѣпилъ улегшагося русскаго, тотъ прохрипѣлъ какое-то ругательное слово, отвернулся и хотѣлъ уснуть. Но Давидъ шепталъ ему:

— Егоръ, у тебя есть махорка?

— Что?.. Махорка? такъ же шопотомъ переспросилъ тотъ.

— Покурить хочу...

— Есть... мало только... папиросы на три. Ну, да уже возьми, закури. Только смотри осторожнѣй. Чтобъ начальство не увидѣло...

Давидъ закурилъ.

Пріятное ощущеніе табачнаго дыма и покоя разливалось по его тѣлу. Хотѣлось бы цѣлую жизнь вотъ-такъ лежать въ палаткѣ и курить папиросу... Въ головѣ Давида порой проносились безсвязныя мечты. Но онѣ были пріятны и красивы для него. Не о войнѣ думалъ онъ. Онъ вообще никогда не думалъ о войнѣ, какъ о чемъ-то цѣломъ. И представлялъ-то онъ ее не иначе, какъ въ грохотѣ выстрѣловъ, въ сверканіи штыковъ, свистѣ нуль. Иногда находилъ

страхъ смерти. Теперь же онъ думалъ о своей теплой избѣ и ужинѣ. Даже вспомнилось, какъ давно-давно... ему, мальчику, еврейка-торговка подарила кусокъ пряника. Вкусный былъ пряникъ. Давидъ и теперь съ охотой бы съѣлъ его. Но здѣсь, на войнѣ ничего нѣтъ, кромѣ жесткихъ, безвкусныхъ сухарей. Хорошо еще, хоть отдохнуть можно.

Голова, ноги, руки, туловище безсильно прилипаютъ къ шинели, разостланной по землѣ. Глаза тяжело, тяжело закрываются. Гдѣ-то далеко звучать рѣзко и сухо короткіе выстрѣлы. Шумитъ въ ушахъ, непривыкшихъ къ тишинѣ. И смутно становится на душѣ. Будто она о чемъ-то тоскуетъ...

Вдругъ вспомнилъ Давидъ, что позабылъ помолиться. Онъ каждый разъ при удобномъ случаѣ молился, чтобъ Богъ избавилъ его отъ смерти. И молился онъ всегда горячо и съ чувствомъ. Правда, молитвъ онъ не зналъ, кромѣ одной: „Слушай Израиль!“... и то не понималъ ея словъ, хотя она нравилась ему. А больше молился такъ, отъ себя... Быстро поднявшись на колѣни, приложивъ руку къ сердцу, Давидъ началъ шептать слова непонятной молитвы и, ударяя въ грудь, просилъ Бога пощадить его...

Откуда-то глухо донеслось ржаніе лошади. Потомъ слышны были тихіе голоса проходившихъ солдатъ... Гдѣ-то далеко раздалось злобно-печальное завываніе собаки... Выстрѣлы прекратились. Жуткая ночь опустила свое покрывало. Это была ночь наканунѣ той страшной битвы, въ которой были разбиты нѣсколько русскихъ полковъ...

Долго молился Давидъ... Три раза прочиталъ онъ „Слушай Израиль“, и такъ растрогался подъ конецъ, что даже что-то защекотало въ носу и глазахъ, будто онъ хотѣлъ заплакать...

И когда утомленные руки безсильно опустились, онъ повалился на шинель и быстро уснулъ.

А темная осенняя ночь, совершая печальный свой путь, окутала нѣгой и сновидѣніями безпомощную душу Давида.

II.

Еще предразсвѣтныя сумерки царили надъ равниной, и только на самомъ краю небосклона, на востокъ, зардѣлась пурпуромъ полоска зари, когда Давидъ былъ разбуженъ ревомъ орудій, и отчаянными криками: „Вставай! Вставай!“ Наскоро забравъ все, что нужно, Давидъ выскочилъ изъ палатки и, быстро оправившись отъ сладкаго сна, занялъ свое мѣсто въ строю. Его рота уже вся была на ногахъ.

Давидъ зналъ уже, что значитъ: „въ атаку!“ и нисколько не боялся этого. Недѣли двѣ или три тому назадъ онъ самъ участвовалъ въ рукопашной стычкѣ съ непріателемъ. Тогда это было ново. Непріатель представлялся какимъ-то страшнымъ, удивительно страннымъ. И Давидъ ужасно изумился тогда, увидѣвъ, какъ передъ его глазами замелькали такія же сѣрыя куртки и шинели, какъ и у русскихъ. Помнилъ онъ, какъ тогда, съ криками „ура“, русскіе бросились на сѣрую, живую стѣну—и все смѣшалось въ хаосъ невообразимыхъ звуковъ. И онъ, Давидъ, что-то дѣлалъ тогда, но что—это какъ-то ускользало изъ сознанія. Теперь это уже стало обычнымъ.

Рота двинулась. Надъ головами бѣшено и жалобно визжали пули. Воздухъ былъ наполненъ смрадомъ сгорѣвшаго пороха... И въ этомъ омутѣ терялся, расплывался, исчезалъ маленькій умъ Давида, и не чувствовалъ онъ ни труповъ подъ ногами, ни запаха чело-

вѣческой крови. Не слыхаль визжанія пуль. Онъ ощущаль только быстрое передвиженіе своихъ ногъ, ощущаль вокругъ себя много такихъ же какъ и онъ, рядовыхъ, и не боялся онъ ничего, что ждало его. Въ убѣгающей мглѣ предразсвѣтной полу-тьмы все бѣжало впередъ; даже тѣ слабые огоньки, которые вспыхивали впереди нихъ на концахъ непріятельскихъ винтовокъ, казалось, тоже бѣжали куда-то. Но куда? Не все ли равно для Давида. Для него это безразлично. Все какъ-то странно и непонятно смѣшалось въ дикомъ хаосѣ, въ пляскѣ винтовокъ и штыковъ, въ грохотѣ выстрѣловъ и свистѣ пуль. Какъ сквозь сонъ слышались отрывистыя слова команды. И не помнилъ Давидъ, какъ долго продолжалось ихъ движеніе впередъ, впередъ, впередъ... Въ ногахъ чувствовалась тупая слабость и сладкая лѣнь. Мысль не напрягалась и бездѣйствовала. Руки крѣпко сжимали винтовку. На пути попадались кустики. Жалкіе и чахлые. Ихъ не обходили. Стопанная пожелтѣвшая трава холоднымъ инеемъ прикасалась къ сапогамъ и тихо шуршала подъ ногами. Они все шли, шли, шли... подъ градомъ непріятельскихъ пуль...

Потомъ, вдругъ, сразу увидѣли сѣрую стѣну шинелей. Совсѣмъ близко, какъ тогда—двѣ или три недѣли назадъ.

Сквозь дымку затемненнаго сознанія слышаль Давидъ близкій трескъ чужихъ пулеметовъ, слышаль невнятные слова команды: „въ атаку!..“ Чувствовалъ, какъ бѣжавшій съ нимъ рядомъ солдатъ упалъ... Все смѣшалось, все зазвенѣло, закричало... Выстрѣлы сразу оборвались. И дикіе крики людей смѣшались въ нестройный гамъ...

Давидъ помнилъ еще, какъ онъ штыкомъ старался проткнуть сѣрую стѣну, стоящую передъ глазами; помнилъ, какъ

падали сѣрыя шинели и по нимъ шли новые и новые ряды. Помнилъ онъ и то, что, когда онъ пронзалъ послѣдній разъ штыкомъ что-то мягкое, сѣрое, ясно и опредѣленно сквозь общій гамъ, какъ молнія, прорѣзалъ воздухъ вопль умирающаго:

— Слушай, Израиль!...

И показалось Давиду, что это что-то знакомое, страшно знакомое. Будто родное. Но гдѣ и когда слышаль онъ?

— Слушай, Израиль! бессознательно крикнулъ онъ иступленнымъ голосомъ и выронилъ окровавленную винтовку...

— Слушай, Израиль!..

Затѣмъ все исчезло...

Когда къ полудню блѣдное осеннее солнце посмотрѣло печальными лучами на равнину, усыпанную трупами и залитую кровью, то увидѣло оно, что на кучѣ труповъ сидѣлъ въ сѣрыхъ лохмотьяхъ Штейнеръ Давидъ, рядовой. Блаженная улыбка играла на его лицѣ, блѣдномъ и вдохновенномъ, какъ у поэта—творца. На немъ не было сѣрой шинели, и обнаженная грудь, покрытая кусками запекшейся крови, была обращена къ солнцу.

Босыя ноги скользили въ охладѣвшей крови изуродованныхъ труповъ. Радостные глаза, полные благодарныхъ чистыхъ слезъ, были устремлены на солнце. Руками, простертыми къ небу, онъ манилъ въ свои объятія весь міръ, всю вселенную...

Изъ устъ его къ солнцу неслись звуки божественной пѣсни.

— Слушай, Израиль!..

Было тихо вокругъ. Было странно тихо вокругъ.

И растерзанные трупы равнины слушали вдохновенное пѣніе безумнаго Давида:

— Слушай, Израиль!...

И. Н. Рембахъ.

Финаль комической оперы, которая называется „Жизью“.

Дѣйствующія лица: { Жизнь—вдова-мѣщанка. Вѣчно спитъ.
Нищій. Вѣчно ищетъ, чего не потерялъ.

Сцена представляетъ заброшенный уголокъ вселенной. На первомъ планѣ— не то сарай, не то домъ, полусгнившій, нелѣпой архитектуры: всѣ окна обращены въ грязный, запущенный дворъ. На улицу только одно. Подъ нимъ— узенькая дверь, надъ нимъ — безграмотная, облѣзшая вывѣска, на которой съ трудомъ можно прочесть: „Намира́ для...“ — и больше ничего. Для кого предназначаются номера—покрыто мракомъ неизвѣстности, стерлось.

Нищій:

(Усталый и измученный подходит и робко стучится).

„Я жду ласки твоей, какъ росы благодатной

Истомленный полуденнымъ зноемъ цвѣтокъ.

Очаруй меня музыкой словъ непонятной,

Убаюкай меня пѣсней тихой, невнятной,

Чтобъ отъ были тяжелой забыться я могъ

* * *

Я боролся—что толку? Судьба побѣдила.

Посмотри на меня: я убогъ и угрюмъ.

Я убогъ потому, что нужда не щадила

Я угрюмъ потому, что она породила

Много думъ, безотрадныхъ, навязчивыхъ думъ.

* * *

Я жду ласки твоей, какъ росы благодатной

Ждетъ сожженный полуденнымъ солнцемъ цвѣтокъ.

Между нимъ и Жизью медленно опускается занавѣсъ.

Очаруй меня музыкой словъ непонятной

Убаюкай меня пѣсней тихой, невнятной,

Чтобъ отъ были тяжелой забыться я могъ!..“

Прислушивается. Все тихо по прежнему.

Нищій:

(Стучитъ громко и нетерпѣливо).

„Чтожь ты медлишь? Иль, милая, гостю не рада?

Приласкай же меня поскорѣй?!“

Жизнь:

(Показывается въ окнѣ, заспанная, въ ночномъ чепцѣ. Выплеснувъ что то на голову нищему и замѣтивъ его послѣ этого):

„Прочь голодный, оборванный шутъ, отъ дверей!

Прочь! Такихъ мнѣ не надо!..“

Нищій отскакиваетъ.

В. Яшинъ.

Письмо въ Юрьевъ.

Посв. В. С.

Такъ хорошо я помню многоточье
На розовомъ листѣ... въ концѣ...
Вы мнѣ писали, вѣроятно, ночью
И, вѣроятно, съ мукой на лицѣ...

* * *

Но, я не понялъ плача и угрозы,
Понять, быть можетъ, не хотѣлъ.
Такъ нѣжно мнѣ сулили туберозы,
Какой-то радостный удѣлъ.

* * *

Я написалъ и зло и лицемѣрно,
Безъ злобной злобы и огня.
Вы прочитавъ заплакали, навѣрно,
И называли злымъ меня...

* * *

— Теперь Вы тонно-полковная дама
И чинъ супруга—Вашъ девизъ:
И, можетъ, наша маленькая драма
Пока легла на самый низъ.

* * *

Но все-жъ, не ждите днями почтальона,
— Супругъ солжетъ, солжетъ мечтамъ...
Примѣрный мужъ въ овалѣ медальона,
— Онъ, можетъ быть, не вѣренъ—тамъ...

* * *

Ахъ, бросьте вѣрность, это такъ наивно,
— Вы молоды, полны огня.
Вы говорите прошлое—противно,
Но Вы... Вы любите меня...

Александръ Толмачевъ.

Розы поэта.

(Съ французскаго).

I.

Была пора, когда всю Азію плѣнили
Стихи Гафиза, славнаго поэта.
Ихъ знали старики, ихъ юноши любили,
И нищій и богачъ искали въ нихъ отвѣта
На думы и мечты. Самъ грозный Тамерланъ,
Что на своемъ пути, какъ страшный ураганъ
Обломки оставлялъ тамъ, гдѣ цвѣли селенья,
Подъ властію стиховъ воскликнулъ въ упоеньи:
„Хотѣлъ бы я узнать пѣвца восточныхъ странъ!“

II.

Но скромень былъ Гафизъ, и славой не гордился.
Далекъ отъ шума и людскаго глаза,
На старости своей онъ тихо пріютился
Въ долину „розы Персіи“—Шираза.
(Такъ звали лучшій изъ персидскихъ городовъ:
Вѣдь роза пышная красивѣй всѣхъ цвѣтовъ).
Былъ невеликъ пріютъ великаго поэта:
Два маленькихъ окна и дверь. По вкусу это
Ему: онъ на дворецъ не смѣнитъ бѣдный кровъ.

III.

Два кресла, столъ—его покоя украшенье.
„Природа—красота. Отъ роскоши нѣтъ прока!“
Такъ говорилъ Гафизъ, глядя на розъ цвѣтенье
По стѣнкѣ домика со стороны востока.
Цвѣли почти весь годъ прекрасные цвѣты.
Поэтъ растилъ ихъ самъ: онъ—его мечты,
Онъ—его любовь, богатство и отрада,
Восторгъ его трудовъ, терпѣнія награда
Въ нихъ воплощеніе пластичной красоты.

IV.

Разъ утромъ всталъ поэтъ при первомъ птичьемъ
 пѣннѣи,
 Чтобъ записать стихи, плоды полночной грезы.
 Вдругъ за стѣной шаги... Онъ смотритъ въ изумленіи
 Въ окошко: дѣвочка его срываетъ розы,
 Въ корзину ихъ кладетъ... вотъ вяжетъ ихъ въ букетъ
 И скоро прочь бѣжитъ. Разгнѣванный поэтъ
 Замѣтилъ бѣдное, все въ дырахъ покрывало,
 И быстрыхъ глазокъ взглядъ. Головка выдавала
 Не больше десяти-одиннадцати лѣтъ.

V.

Гафизъ не могъ придти въ себя отъ изумленья,
 И гнѣву долго не было предѣла.
 Но скрылась дѣвочка, а онъ въ своемъ волненіи
 Забылъ свои стихи, что сердце ночью пѣло.
 Пергаментъ развернувъ, онъ вдохновенья ждалъ.
 И вотъ чѣмъ въ тишинѣ, когда востокъ пылалъ,
 Подъ настроеніемъ живымъ негодованья
 Онъ душу облегчилъ: вотъ новое созданье,
 Чему нечаянно ребенокъ пищу далъ:

„На вѣткѣ розу ты оставь!
 Ее сорвешь лишь только ты,
 Она умретъ, тоской объята,
 Ея лишишься красоты
 И не услышишь аромата.
 Ужели такъ жестокъ твой нравъ,
 Что ты не можешь, не сорвавъ
 Цвѣтка съ куста, имъ любоваться?
 Дай розѣ жить и красоваться!
 На вѣткѣ розу ты оставь!
 Оставишь—скажутъ: ты мудрецъ,
 Ты милосердъ, ты добръ глубоко!
 Сорвешь—вскричатъ: изъ всѣхъ сердецъ
 Твое безжалостно жестоко!
 На вѣткѣ розу ты оставь.

VI.

Вновь сутки протекли и угро вновь настало,
 Ждалъ дѣвочку Гафизъ. Съ корзиною своею.
 Она пришла опять и снова убѣжала
 Съ добычею. Поэтъ пошелъ, спѣша, за нею.
 По улицамъ пройдя, до площади дошли.
 На рынкѣ, средь толпы, поэтъ нашъ издали
 Слыхалъ, какъ дѣвочка промолвила учтиво
 Нарядной женщиной: „Цвѣты мои красивы,
 Какъ вы! Купите же цвѣты родной земли!“

VII.

Отъ дѣвочки букетъ былъ женщиною принятъ
 И оцѣненъ въ пять разъ цѣны своей дороже.
 „Ну, думалъ нашъ поэтъ, — на что, посмотримъ
 кинетъ
 Плутровка деньги всѣ? На женщину похоже
 Растратить ихъ легко“. И только до конца
 Сказалъ, какъ дѣвочка стояла у купца,
 Гдѣ ткань съ разводами красивыми купила.
 „Рядиться любить, ну — ворчалъ старикъ, — вотъ
 мило!“

Но дѣвочка стоитъ опять у продавца.

VIII.

На этотъ разъ уже она купила въ лавкѣ
 Оладьевъ, голубя съ фисташковой начинкой,
 И сильно торопясь, отъ шума, крика, давки
 Бѣжитъ съ наполненной припасами корзинкой.
 „Нѣтъ, лакомка она“, рѣшилъ въ душѣ поэтъ,
 По темной улицѣ идя за нею вслѣдъ. —
 Убогій, жалкій домъ. Она остановилась, —
 На стукъ открыли дверь — и словно мышка скрылась.
 Увидѣть, съ кѣмъ она — труда Гафизу нѣтъ.

IX.

Въ отверстіе стѣны представилась картина:
 Старуха слабая, худая на соломѣ;

Лохмотья на плечахъ, висятъ какъ паутина.
Нужда и нищета царятъ въ забытомъ домѣ.
Къ старухѣ дѣвочка съ корзиною вошла.
„Оладьевъ я тебѣ и мяса принесла“,
Она сказала. „Ты немного подкрѣпишься,
А послѣ платье скинь свое. Ты облачишься
Вотъ въ эту ткань: она красива и тепла“.

X.

Лишь вышла дѣвочка, какъ нѣжностью объятый,
Гафизъ спросилъ: „Какъ звать тебя, малютка?“
„Зовусь я Даніей“. „У матери была ты?“
„Нѣтъ“, „Значить, къ бабушкѣ зашла ты на ми-
нутку?“

И гладить по щекѣ морщинистой рукой.
„Нѣтъ, говоритъ она.—Я со старухой той
Знакома лишь три дня. О ней я только знаю,
Что бѣдная больна; два дня я помогаю,
Чтобы ей не умереть голодной и больной“.

XI.

„Ты и сама бѣдна?“ „О да, я бѣдность знаю;
Я двигаю станокъ у продавца веревокъ,
И этимъ хлѣбъ себѣ насущный добываю.
Нѣтъ у меня родныхъ“. „Однако, безъ уловокъ
Ты, крошка, мнѣ скажи, гдѣ деньги ты берешь
Что къ бѣднымъ съ помощью, вотъ какъ сейчасъ
идешь?“

Смутилась дѣвочка предъ старикомъ-поэтомъ.
Неловко говоритъ мнѣ, господинъ, объ этомъ.
Я знаю, этотъ путь былъ вовсе нехорошъ.

XII.

Въ чужомъ саду два дня я розы воровала
И продавала ихъ, надѣясь, что поможетъ
Старухѣ бѣдной выручка хоть мало.
Хозяинъ этихъ розъ проститъ меня, быть можетъ“...
Отвѣтилъ ей Гафизъ: „прощаю я тебя,
Вѣдь розы тѣ—мои. Теперь, какъ дочь моя,

Ты будешь жить со мной“. И къ домику съ кустами
Цвѣтущихъ розъ пошли съ веселыми мечтами,
Любовью родственной другъ друга полюбя.

XIII.

Счастливо жилъ поэтъ съ малюткой одинокой,
Пока не услыхалъ о новости ужасной:
Вся Персія дрожить, взволнована глубоко
Предъ Тамерлана силою опасной.
Несмѣтны полчища — и нуженъ мигъ одинъ,
Чтобъ покоренныхъ странъ державный властелинъ
Оставилъ на пути камней и пепла груды.
Ждетъ гибели Ширазъ: надежды нѣтъ на чудо.
Ширазу смерть несетъ Востока господинъ.

XIV.

Насталъ тотъ часъ, когда подъ города стѣнами
Явился Тамерланъ, какъ волкъ въ овечьемъ стадѣ,
И трепеща за жизнь предъ страшными ордами,
Ширазцы шли къ нему, взывая о пощадѣ;
И на колѣни бросившись, въ пыли,
Знатнѣйшіе изъ гражданъ рѣчь вели:
„Ты побѣдитель нашъ, гроза кровавой брани,
Скажи же намъ, какой отъ насъ ты хочешь дани —
Но о пощадѣ насъ и города внемли“!

XV

Но Тамерланъ ихъ словъ какъ будто не замѣтилъ,
И гордый взоръ его металъ опасный пламень.
Ударивъ саблею по камню, онъ отвѣтилъ:
„Я также слушаю васъ, какъ вотъ этотъ камень“!
И воинамъ своимъ хотѣлъ отдать приказъ,
Чтобы вошли съ побѣдою въ Ширазъ.
Казалось, ужъ конецъ... но вотъ въ минуту эту
Шепнула маленькая Данія поэту:
„Отецъ, иди къ нему, проси его сейчасъ!“

XVI

Моли его, отецъ, быть можетъ онъ смягчится“!
И вышелъ изъ толпы Гафизъ, пока не поздно.

Кругомъ печальныя, взволнованныя лица...

„Кто этотъ старецъ“? вмигъ вопросъ раздался грозный,
И Тамерланъ съ коня взглянулъ надменно внизъ.

Но дѣтскій голосокъ сказалъ ему: „Гафизъ“.

Смягчился взоръ, лицо внезапно просвѣтлѣло,

И ласковая рѣчь съ суровыхъ устъ слетѣла,

Привѣтныя слова нежданно полились:

XVII

„Давно тебя, Гафизъ, хотѣлось мнѣ глазами

Своими увидать. Вѣдь только мы съ тобою

Велики въ мірѣ всемъ: ты — звучными стихами,

А я побѣдами. Прочти жъ стихи герою“!

Напрасно вспоминалъ Гафизъ... того все нѣтъ,

Что къ случаю сказать.. Но вдругъ, какъ бы въ

отвѣтъ

Ему тихонько Данія шепнула:

„На вѣткѣ розу ты оставь“ и вмигъ блеснула

Идея ясно... и прочель поэтъ:

„На вѣткѣ розу ты оставь!

Ея сорвешь лишь только ты,

Она умретъ, тоской объята;

Ея лишишься красоты

И не услышишь аромата.

Ужели такъ жестокъ твой нравъ,

Что ты не можешь, не сорвавъ

Цвѣтка съ куста, имъ любоваться?

Дай розѣ жить и красоваться!

На вѣткѣ розу ты оставь.

Оставишь — скажутъ: ты мудрецъ.

Ты милосердъ, ты добръ глубоко!

Сорвешь — вскричатъ: изъ всѣхъ сердець

Твое безжалостно, жестоко!

На вѣткѣ розу ты оставь“...

XVIII

Когда поэтъ замолкъ, всѣ граждане съ надеждой
Толпою Тамерлана окружили,
Ему цѣлуя руки и одежды.
И молвилъ онъ: „стихи меня плѣнили,
Они звучны, красивы, слова нѣтъ.
Но только знай, Гафизъ, что твой совѣтъ
Не для меня: я розы не срываю
Для удовольствія“. Но руку простирая
Къ Ширазу, отвѣчалъ ему поэтъ:

XIX

„О вспомни ты, побѣдами великій,
Что этотъ городъ—лучшій городъ края—
Есть роза Персіи“... Въ порывѣ злобы дикой
Былъ Тамерланъ, и яростью пылая,
Онъ губы закусилъ... но гнѣвъ перетерпѣлъ
И на ночлегъ остаться повелѣлъ
Своей дружинѣ возлѣ стѣнъ. Безъ боя
Онъ принялъ въ подданство всѣхъ жителей. Судьбою
Обласканный, Ширазъ остался цѣль.

Татіана Б.

ЖИЗНЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Объ организаціяхъ „Сѣвернаго Гуслера“.

Въ предыдущихъ двухъ №№ на страницахъ журнала поднять вопросъ о новой студенческой организаціи. Вопросъ этотъ настолько живой, что я не могу не поспѣшить подѣлиться съ читателемъ нѣсколькими мыслями. Абсолютно несогласяясь со взглядомъ автора статьи „Объ эконом. организаціи“ на роль землячества въ будущемъ, я нахожу, что вопросъ о новой экономической организаціи на почвѣ трудовой коопераціи и культурнаго сотрудничества, до которыхъ авторъ договаривается въ концѣ 4-го номера, не находится ни въ какой связи съ вопросомъ о з-вѣ и можетъ быть разсматриваемъ независимо отъ будущаго расцвѣта или окончательнаго развала землячества. Въ жизни студентовъ существуетъ масса интересовъ, которые не входятъ въ кругъ вліяній з-ва и вообще не удовлетворяются никакими существующими организаціями. Определить эти интересы, сгруппировать ихъ и указать возможности къ ихъ удовлетворенію—вотъ цѣль всякаго изслѣдованія о будущихъ студенческихъ организаціяхъ. Опытъ говорить о полной законмѣрности въ жизненныхъ явленіяхъ, при созданіи новой организаціи всѣми силами нужно избѣгать ошибокъ старыхъ, а все подходящее хорошее старыхъ перенять и, если возможно, улучшить. А для этого необходимо дать себѣ ясный и точный отвѣтъ: что хорошаго и дурнаго въ старыхъ организаціяхъ, что нужно и чего не слѣдуетъ перенимать, какія задачи сохранить за старыми организаціями, какія слѣдуетъ поставить во главу угла новыхъ. А дальше, съ очевидной ясностью вытекаетъ вопросъ, каковы же недостатки и достоинства старыхъ организацій. Мы приходимъ къ необходимости разсмотрѣть основные типы существующихъ экономическихъ организацій, каковыми являются: землячества, кассы взаимопомощи общестуденческія и бюро труда.

Беру первый понавшійся земляческій уставъ и читаю:

„Цѣль землячества—взаимопомощь, матеріальная и духовная. Средства з-ва—членскіе взносы, пожертвованія частныхъ лицъ, доходы съ вечеровъ, баловъ, лекцій и экскурсій, устраиваемыхъ з-вомъ. Средствами духовной взаимопомощи з-въ

являются: общія собранія, вечера, вечеринки, лекціи, экскурсіи, товарищескіе ужины и библиотека зем-ва“. Цѣли з-ва, какъ мы видимъ, носятъ болѣе или менѣе вѣчный характеръ, т. е., зародышъ разложенія этой организаціи лежитъ не въ ней самой, а во внѣ. Съ внѣшними условіями, пока они преходящи или обходимы, можно бороться. Какъ же зем-ва проводятъ въ жизнь свои задачи? „Студентъ“ утверждаетъ, что право на полученіе ссуды—обращаетъ з-во въ организацію по „соревнованію бездѣльниковъ“.

Дѣйствительно, въ жизни з-въ наблюдаются явленія вопіюще безнравственныя, но онъ забываетъ, что въ *кредитъ* въ 25—50 рублей часто случайно нуждаются даже самые состоятельные студенты и своимъ утвержденіемъ отрицаетъ цѣлесообразность такой очевидно разумной мѣры, какъ *непроизводительный, но полезный кредитъ* на образованіе. Ни въ наукѣ политической экономіи, ни на практикѣ государства, земствъ и другихъ организацій эта мѣра никогда не вызвала принципиальныхъ возраженій, и я думаю „Студентъ“ просто оговорился.

Вѣдь возвратимыхъ стипендій существуютъ тысячи, и нѣтъ смысла возражать противъ аналогичныхъ ссудъ. И все-же-таки финансовая политика з-мъ въ большинствѣ ведется чрезвычайно неразумно, не дѣльно, а иногда и просто безнравственно.

Какъ поступаютъ з-ва съ главной статьей своихъ поступлений,—сборовъ съ вечеровъ? Въ большинствѣ случаевъ эти деньги немедленно распределяются и раздаются нуждающимся. Въ глазахъ получающихъ эти деньги не составляютъ собственности организацій и въ такихъ случаяхъ, даже выданныя подъ заемныя письма эти деньги въ громадномъ большинствѣ не возвращаются въ з-во. Что-же получается? Студенты, будущіе трудоспособные граждане, цвѣтъ народа, пользуются подачками. Развѣ это не безнравственно. Другимъ слѣдствіемъ этой неразумной политики является хроническое безденежье землячества. Общимъ же недостаткомъ почти всѣхъ землячествъ, имѣющихъ въ своемъ прошломъ періодъ расцвѣта, является крайне безалаберно поставленное производство—объ-

яняемое стремленіемъ почти всѣхъ старыхъ организацій получить работу на даровщинку.

Отчетность, часто вопреки уставу, не ведется годами, дѣла рѣшаются по домашнему, а расходныя статьи ведутся съ преступной небрежностью. Главная статья расхода—выдачи ссудъ—поставлена такъ, что расписки на тысячи рублей никогда не предъявляются ко взысканію, либо потому что по содержанию лишены всякой юридической силы, либо по соображеніямъ ложнаго стыда или прекраснодушію.

Такое положеніе дѣлъ во многихъ з—вахъ я засталъ еще въ 1910 году. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и въ особенности новыя з—ва, часто филиалы, отколовшіеся отъ своихъ метрополій, подаютъ въ этомъ отношеніи хорошей примѣръ здоровой финансовой политики. Примѣръ такого филиала на моихъ глазахъ.

Отдѣлившись четыре года назадъ, Н—ое з—во при Политехникумѣ въ основу своего дѣйствія поставило слѣдующія правила: 1) Всѣ деньги, поступающія въ з—во, идутъ на общее усиленіе его средствъ. 2) Ссуды выдаются только подъ векселя, причемъ принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы деньги были возвращены своевременно. (Одна возможность крайнихъ мѣръ создала такое положеніе, что ни одинъ должникъ еще не допустилъ до обращенія въ судъ). 3) Выдача долгосрочныхъ ссудъ начала практиковаться только съ тѣхъ поръ, какъ вполне обеспечена возможность удовлетворять нормальную потребность въ краткосрочномъ кредитѣ. 4) Пособія не выдаются ни подъ какимъ видомъ и даже по ссудамъ, полученнымъ зъ вечеровъ внѣ сферы воздѣйствія з—ва, отбираются долгосрочные векселя, какъ по долгу обществу. Результаты дѣятельности з—ва выразились въ томъ, что филиалъ уже въ прошломъ году обогналъ „метрополию“ по оборотнымъ средствамъ, и заставилъ послѣднюю слѣдовать своему примѣру. Въ кассѣ всегда находится 500—600 рублей, и каждый членъ, недостаточный или состоятельный, безразлично, если онъ ничего не долженъ, и аккуратно возвращалъ долги, можетъ получить 40—50 рублей ссуды. Положеніе и перспективы з—ва таковы, что въ немъ поднять вопросъ объ основаніи капитала для стипендій и второй, о наймѣ двухъ—трехъ комнатъ внѣ института для библиотеки-читальни и канцеляріи-клуба (Второй вопросъ снятъ съ очереди ввиду исключительности переживаемого момента). Вообразите, что всѣ з—ва при Политехн. Институтѣ были бы въ томъ же положеніи.

Вѣдь въ союзъ съ Кассой Взаимопомощи

Студ. Пол. И—та, при общественной поддержкѣ въ лицѣ земствъ и городовъ и помощи долгосрочнымъ кредитомъ, политехники уже въ будущемъ году имѣли-бы свой домикъ тысячъ за 300. Тѣмъ болѣе, что пай этого дома разошлись бы въ громадномъ количествѣ въ средѣ самихъ студентовъ. (Студ. Автомоб. Тов—во легко помѣстало въ теченіе нѣсколькихъ дней павъ на 10000 рублей, по 50 рубл. пай!)

Оставимъ на время дѣятельность з—въ въ сторонѣ и перейдемъ къ другому очень важному типу экономическихъ организацій — кассамъ взаимопомощи студентовъ даннаго учебнаго заведенія. Отличительной чертой организацій этого рода, является то, что въ противоположность з—вамъ онѣ объединяютъ студентовъ разныхъ мѣстностей, но одного учебнаго заведенія, тогда какъ з—ва объединяютъ, или имѣютъ цѣлью объединить студентовъ разныхъ учебныхъ зав. по одной мѣстности. Но какъ тѣ, такъ и другіе имѣли цѣлью матеріальную и духовную взаимопомощь, какъ тѣ, такъ и другіе отличаются по темпу дѣятельности въ зависимости отъ возраста—молодые организаціи подаютъ примѣръ старымъ.

Возьмемъ дѣятельность „покойнаго“ Фонда Горнаго Института. Еще пять лѣтъ назадъ это учрежденіе пользовалось громадной силой. Обладая и *распоряжаясь* громадными, для организаціи обслуживающей 1000 студентовъ, матеріальными средствами, выдавая десятки стипендій, сотни пособій изъ щедрыхъ и многочисленныхъ субсидій, всегда превосходнаго сбора съ бала, облегчая многимъ существованіе бесплатными обѣдами изъ собственной столовой, это учрежденіе, благодаря довѣрію студентовъ и поддержкѣ общества, пользовалось диктаторской властью во всѣхъ дѣлахъ Института. Что же сдѣлало оно для того, чтобы и въ дальнѣйшемъ сохранить за студенчествомъ возможность удовлетворять своимъ духовнымъ и экономическимъ потребностямъ. Ведя неравную политическую борьбу, оно вело къ гибели и блестящее эконом. положеніе своихъ членовъ. Оно совершенно не подготовило хотя бы экономической независимости своихъ членовъ и, когда въ неравной борьбѣ оно погибло, студенчество осталось и безъ духовныхъ водителей и безъ матеріальной самостоятельности. Оно оказалось вышвырнутымъ на улицу безъ гроша въ карманѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Воканчи.

Отвѣтственный редакт.-издатель **Александръ Васильевъ.**

ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ

журнала учащейся молодежи „Сѣверный Гусляръ“ въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

№ 4.

ПРИХОДЪ.

Продано четвертаго номера изъ 11.550 напечатанныхъ съ отчисленіемъ 25% въ пользу продавцовъ-студентовъ, вмѣстѣ съ оставшимися первымъ, вторымъ и третьимъ—10,427 экз. на сумму	782 р. 10 к.
Приторжка (нѣкоторыми лицами вмѣсто 10 коп. жертвовалось болѣе)	109 „ 09 „
Отъ подписчиковъ получено	9 „ 60 „
За объявленія уплачено фирмами:	
Мертенсъ	10 „ — „
Эсдерсъ и Схефальсъ	20 „ — „

Итого выручено . 930 р. 79 к.

РАСХОДЪ.

Уплочено:	
по счету типографіи (бумага печатаніе и пр.)	345 р. 15 к.
Почтовые расходы	1 „ 55 „
Канцелярскіе и редакціонные расходы (квартира, освѣщеніе, газеты и журналы и пр.)	52 „ 93 „
Гонораръ сотрудникамъ	11 „ 96 „

Итого . . 411 р. 59 к.

Чистой прибыли отъ продажи 4-го номера получено **519** р. **20** к.

„ „ „ „ 3-хъ „ „ **1991** р. **55** к.

Всего получено отъ продажи 3-хъ номеровъ въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ **2510** р. **75** к.

Деньги, за исключеніемъ отчисленныхъ на изданіе слѣдующаго очереднаго выпуска журнала, хранятся въ государственной сберегательной кассѣ.

Проектируется студенческая организація во главѣ съ редакціей журнала „Сѣверный Гусляръ“, которая будетъ завѣдывать распредѣленіемъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи журнала.

Товарищей, знакомыхъ съ уставомъ существующихъ организацій такого типа, Редакція проситъ принять участіе въ предстоящей работѣ.

Справки въ редакціи отъ 6—8 час. вечера ежедневно.

Редакція.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работѣ по распространенію журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи.

Просимъ г.г. подписчиковъ деньги посылать на имя редактора А. А. Васильева.

Просятъ г.г. мѣсячныхъ подписчиковъ, озаботиться своевременнымъ возобновленіемъ подписки, дабы избѣгнуть перерыва доставки журнала.

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ

въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Попова, Невскій 66, „Жизнь“ Петр. стор. Б. пр., д. 3, „Новый Путь“ П. С. Бол. пр. д. 1, Вольфа, Невскій 13, „Новое Время“ Невскій 40, Карбасникова, Гост. дворъ 19,

Приемъ объявленій, подписки и продажа №№ производится въ отдѣленіи конторы при типографіи, Литейный 33.